

касяна об удинско-азербайджанско-руском (ранее — персидском) многоязычии в нескольких селениях Азербайджана и Грузии.

В целом книга «Проблемы двуязычия и многоязычия» представляет собой значительный шаг вперед в изучении названной проблематики. То обстоятельство, что при ее создании широко использован материал языков народов СССР и в ней

отражены достижения языкового строительства в нашей стране за пятьдесят лет, придает монографии наряду с научной ценностью несомненное общественно-политическое значение. Можно с уверенностью сказать, что выход ее будет стимулировать дальнейшее развитие исследований в этой области языкознания.

В. В. Акуленко

Chr. S. Stang. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. — Oslo — Bergen — Tromsø, Universitetsforlaget, 1972. 96 стр.

Книга норвежского языковеда профессора Хр. С. Станга в каком-то смысле является «юбилейной». Сто лет назад И. Шмидт на конгрессе филологов в Лейпциге выступил с докладом, которому потом было суждено стать одной из самых популярных книг сравнительно-исторического языкознания индоевропейских языков¹. В этой книге впервые подробно и систематически анализируются лексические соответствия германских балтийских и славянских языков и приводится 59 германо-балто-славянских слов, не отмеченных в других индоевропейских языках.

Целое столетие многие ученые изучали разные стороны отношений упомянутых языков и по отдельным вопросам часто приходили к противоречивым выводам, особенно при определении степени родства между германскими и балто-славянскими языками. Однако самый факт значительного совпадения лексики в этих языках является непреложным.

В рецензируемой книге Хр. С. Станг обобщает столетний опыт в изучении общей лексики славянских, балтийских и германских языков. По своим научным интересам и лингвистической подготовке Хр. С. Станг имеет все основания для того, чтобы взяться за эту задачу — для него и славистика, и балтистика, и германистика почти в равной мере являются «своими дисциплинами».

Написанию книги Хр. С. Станга предшествовали два издания на сходную тему, вышедшие в США и в Болгарии — Ф. Шерера² и Е. Георгиева³.

В книге Хр. С. Станга обсуждается около 300 славяно-балто-германских лексических соответствий. По степени надеж-

ности данные соответствия автор разделяет на три группы: 1) верные или почти верные (annähernd sicheren), 2) сомнительные, но нуждающиеся в обсуждении, 3) неверные, но допускающие обсуждение.

В этимологической работе такая «трехступенчатая» группировка очень себя оправдывает. Подобную группировку применял и советский лингвист В. В. Мартынов⁴.

К первой группе соответствий Хр. С. Станг относит 188 слов; из них 68 встречаются во всех трех группах языков, 66 являются только балто-германскими, а 54 — только славяно-германскими соответствиями. После рассмотрения общей славяно-балто-германской лексики в алфавитном порядке автор распределяет эту лексику по семантическим группам и пытается делать некоторые выводы более общего характера. Например, он замечает, что среди соответствий почти отсутствуют религиозные понятия, а также слова, связанные с абстрактным мышлением; не встречаются и термины родства. Слова, относящиеся к социальным явлениям, не многочисленны, но обозначают важные понятия, такие как «село», «люди», «товарищ по работе». Сравнительно много соответствий отмечено в области технической культуры; особенно многочисленны общие названия для орудий и предметов из дерева.

Автор не пытается дать подробную хронологическую классификацию совпадающей лексики и ограничивается лишь замечанием, что славяно-балто-германские соответствия не одинаковы по давности, но все относятся к той поре, когда предшественники балтийских, славянских и германских языков находились в соседстве и между ними существовали не языковые, а скорее лишь диалектные различия.

На наш взгляд, значителен вывод автора о древнепрорусско-германских лексических соответствиях. В последнее время

¹ J Schmidt, Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen, Weimar, 1872.

² P. H. Scherer, Germanic-Balto-Slavic etyma, Baltimore, 1941.

³ Е. Георгиев, Балто-славянско-германското родство, «Известия на семинара по славянска филология при Университета в София», кн. VIII—IX, 1948.

⁴ В. В. Мартынов, Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры, Минск, 1963.

некоторые исследователи утверждают, что «большинство изоглосс связывает германские языки лишь с литовским и латышским языками, а германо-прусские исконные лексические связи ограничены несколькими примерами»⁵. Хр. С. Станг выделяет 8 надежных древнепрусско-германских соответствий, а это совсем немало, если иметь в виду общий объем сохранившейся лексики древнепрусского языка⁶. Говоря о близости древнепрусской и германской лексики, нельзя упускать из виду и тот факт, что существует ряд изоглосс, которые, при отсутствии их в литовском и латышском языках, сближают древнепрусский язык с германскими и некоторыми другими индоевропейскими языками.

Как этимологические сопоставления, так и общие выводы автор делает очень осторожно, и, по мере возможности, хорошо их мотивирует. Эта черта характерна вообще для всех работ Хр. С. Станга.

Само собой разумеется, что в этимологической работе не исключена известная доля субъективности и наличия спорных моментов. Постараемся здесь отметить такие места, хотя заранее надо признаться, что наши замечания по поводу того или другого факта также могут быть спорными.

К числу надежных соответствий, обнаруживаемых во всех трех группах языков, наряду с ст.-слав. *drogъ*, польск. *drag* «шест, жердь, рычаг», др.-исл. *drangr* «камень, торчащий из земли» (ср. стр. 19, 72), автор относит и литов. *drānga* «жердь, шест; вага; грядка (телеги)» (ср. также литов. *drāngos* «грядки; телега (или сани) для навоза; задняя часть телеги»). Однако литовское слово — технический термин, по всей вероятности, заимствовано из польского языка⁷. В других балтийских языках это слово не встречается.

Литов. *pūodas* «горшок», латыш. *puods* связывается с др.-в.-нем. *faz* «бочка, сосуд, ящик, шкаф» (ср. стр. 43—44, 73). Эта старая этимология до сих пор принималась многими исследователями, но не так давно О. Н. Трубачев, нам кажется, очень убедительно показал, что эти слова не имеют ничего общего⁸. Дело в том,

что балтийские слова как термины гончарного дела неотделимы от литов. *pādas* «под деча, топ (в гумне)», в то время как др.-в.-нем. *faz* относится к совсем другому семантическому полю.

Как надежное славяно-балто-германское соответствие в книге дается литов. *dailyti* «делать», ст.-слав. *dělъ* «часть», *děliti*, гот. *dails* «часть» (ср. стр. 17, 74, 77). Что касается этой этимологии, то интересно было бы узнать мнение автора относительно попытки прагерм. **dailo* вывести из праслав. **dělъ*⁹.

Др.-прусск. *dalbian* (*dalptan*) нельзя безоговорочно связывать как исконно родственное с русск. *долбить* и др. (ср. стр. 17), так как древнепрусское слово может быть заимствованием из древнепольского языка¹⁰.

Сопоставление др.-прусск. *nowis* «туловище, тело» с латыш. *nāve* «смерть», русск. *навъ* «мертвец» (ср. стр. 39) вызывает трудности семантического характера. Еще Я. Эндзелин возражал против тех, кто «совершенно произвольно» древнепрусскому слову придавал значение «мертвое тело»¹¹. В данном случае несущественно, что древнепрусское слово, как и соответствующие славянские слова, имеет основу на -i-: дело в том, что в Эльбингском словаре, где это слово засвидетельствовано, даже такие слова, как *dejuis* «бог» (ср. *deivas* в других источниках), *wilkis* «волк» (ср. топоним *Wilkas-kaymen*, литов. *vilkas*) передаются как слова с основой на -i-.

Наверное, есть некоторое основание латыш. *kāuns* «стыд, позор», гот. *hains* «низкий, смиренный» считать специфическим соответствием балтийских и германских языков (ср. стр. 27). И все же при сравнении данных слов не следовало оставлять без внимания существующую еще со времен А. Фика попытку связывать эти слова с греч. *καυός* (хотя и довольно неясным¹²).

При семантическом сопоставлении русск. *голый* с латыш. *gāle* «тонкая корка льда» (ср. стр. 24) можно было упомянуть и др.-русск. *голотъ* «гололедица».

Литов. *traukai* «посуда» (ср. стр. 59, 73), кроме словаря М. Межиниса, ни в каких других памятниках литовского языка не засвидетельствовано; вероятнее всего, оно является заимствованием из латышского языка.

Кстати, литов. *balgnas*, употребляемое Й. Бреткувасом (ср. стр. 14), являет-

⁵ «Сравнительная грамматика германских языков», I, М., 1962, стр. 78—79.

⁶ Ср. также: J. E n d z e l i n s, Senprūšu valoda, Rīgā, 1945, стр. 12, 14; «Filologu biedrības raksti», XI, Rīgā, 1931, стр. 190—191; Ch r. S t a n g, Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen, Oslo — Bergen — Tromsø, 1966, стр. 13.

⁷ P. S k a r d ž i u s, [рец. на кн.:] E. Fraenkel, Litaunisches etymologisches Wörterbuch, ZfsiPh, 27, 1959, стр. 437.

⁸ О. Н. Трубачев, Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции), М., 1966, стр. 207—209.

⁹ В. В. Мартынов, указ. соч., стр. 112—116.

¹⁰ О. Н. Трубачев, указ. соч., стр. 153—154.

¹¹ J. E n d z e l i n s, Senprūšu valoda, стр. 217.

¹² Ср.: P. Ch a n t r a i n e, Dictionnaire étymologique de la langue grecque, II, Paris, 1970, стр. 506.

ся заимствованием из древнепрусского языка.

Нам кажется, было бы уместно в книге остановиться и на таких лексических параллелях, как литов. *dervà* «смола», латыш. *darva* — др.-исл. *tjara*, др.-англ. *tierce*, литов. *kėrdžius* «старший пастух» — др.-в.-нем. *hirti* «пастух».

Действительно, в последнее время все больше ученых утверждает, что литов. *alūs* «пиво», латыш. *alus*, др.-прусск. *alu* являются исконно родственными с соответствующими названиями пива в славянских и германских языках. Все же не слишком ли смело относить это соответствие к изоглоссам, не вызывающим сомнений? Нам кажется, К. Буга не без основания литов. *alūs*, как и литов. *midūs*, «мед (напиток)», считал заимствованиями из германских языков¹³.

¹³ К. В ū g a, *Rinktiniai raštai*, I—III, Vilnius, 1958—1961, II, стр. 84—86, III, стр. 426—427.

М. М. Маковский. Теория лексической аттракции (Опыт функциональной типологии лексико-семантических систем). — М., «Наука», 1971. 250 стр.

Рецензируемая книга является итогом многолетней работы автора, который широко известен в специальной литературе серией работ; посвященных германской диалектологии, лексикологии, семантике, этнонимике и топонимике. На первый взгляд может показаться, что перед нами исследование по английской исторической диалектологии (такие работы появляются у нас крайне редко). Однако тематика рецензируемой книги гораздо шире — это исследование механизма структурных и функциональных соотношений между лексическими единицами и семантикой в системе языка; вместе с тем это и сравнительно-историческое исследование: обсуждение общетеоретических проблем на материале лингвистического прошлого является необходимой предпосылкой для понимания законов синхронного существования языка.

До самого последнего времени существовала традиция, согласно которой к сопоставительному сравнительно-историческому и ареально-лингвистическому анализу привлекались только элементы фонологического и морфологического уровней, имеющие вполне обозримый (количественно и качественно) характер. Элементы же лексического уровня, воспринимаемые как «открытое множество», сравнительно легко и быстро поддающиеся изменениям, не использовались в подобных исследованиях.

В заключение хотелось бы обратить внимание на недавно опубликованную интересную попытку Ю. В. Откущико-ва как «возможно, родственные» слова связывать балт. **klaibas*/**klaipas*/**kleipas* — праслав. **xlěbъ* — прагерм. **xlaibaz*¹⁴.

Когда-то Хр. С. Станг образно сравнил науку с диалогом. Новая его книга, разумеется, не поставила точку в диалоге о славяно-балто-германских лексических соответствиях. Но она очень удачно продолжила его, обогатила интересными мыслями, замечаниями и в каком-то смысле резюмировала все то, что участниками этого диалога было высказано на протяжении последнего столетия.

А. Ю. Сабалаускас

¹⁴ Ю. В. Откущиков, О древнем названии хлеба в балтийском, славянском и германском. «Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis», 1973, 2 (307), стр. 84—89.

Преодоление такого подхода началось в XX в. с требования равноправия для лексики в лингвистическом анализе (ср. работы Р. Боненбергера, Э. Кранцмайера, Э. А. Макаева). Именно с начала XX в. лингвисты стали осознавать, что языковой статус лексики обуславливается ее соотношениями с другими уровнями языка. Однако признание того, что лексический материал может и должен представлять самостоятельный интерес, например, для сравнительно-исторических исследований, еще не означает, что атомарность в таких разысканиях была полностью преодолена: теперь разобственно рассматривались отдельные лексемы, например, в зависимости от того, в каких памятниках или в каком лингвогеографическом ареале они встречаются. Иначе говоря, ареальное и хронологическое отождествление каждой лексемы производилось независимо от других.

Еще одно препятствие, которое приходится преодолевать исследователю лексики, — это распространенное мнение о том, что лексика якобы не может быть подвергнута анализу в полном смысле слова, так как она представляет собой «неупорядоченный континуум». Внешне не связанные друг с другом проявления системности в лексике, обнаруженные рядом исследователей, не позволяли им выйти из круга привычных представлений о лингвистической системности и схем,